

А МОЛОДЕЦ ЛИ БАБА?

К ВОПРОСУ О ПЕРВОМ НАЗВАНИИ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

ИВАН РОДИОНОВ

Поэт, критик. Родился в 1986 году в г. Нотово Волгоградской области. Живет в Намышине. Автор книги «сЧетчик. Путеводитель по литературе для продолжающих». Участник «Тавриды-2020» и «Мастерской Захара Прилепина — 2020». Преподаёт русский язык и литературу.

Объем предложенного эссе невелик, потому обращаться к подробному сравнительному анализу ранних фрагментов романа и его окончательной версии представляется не слишком возможным. Хотя несколько перспективных реперных точек отметить можно. Здесь и изменение имен и фамилий героев (например, в одной из редакций Вронский носит фамилию Гагин, как герой тургеневской «Аси»; Толстой отзывался об этом тексте крайне нелестно — может быть, именно с этим связана последующая перемена фамилии героя: чтобы не было ненужных ассоциаций?). Любопытно совпадение имени Нана с именем будущей героини Золя. И стремительное, с места в карьер начало текста по пушкинской формуле «Гости съезжались на дачу» — в окончательной версии Толстой вводит читателя в мир романа более бережно и аккуратно. Кроме того, интересно выделить те фразы и мысли, которые переночевали в финальную версию без изменений или почти без них, — про то, что не хватает лишь цирка со львами (в сцене сначек), или про то, что сначки были несчастливы и Государь был недоволен. Почему именно эти эпизоды были так важны для Толстого? Наконец, интересно, почему автор отказался от намеченного в плане «разговора с нигилистомъ»? Подобный эпизод, как и сама возможность «утешения» со стороны тогдашнего «актуального» героя, показались Толстому слишком очевидными и, как сейчас говорят, поповскими?

Но мы остановимся подробнее на двух моментах — эволюции образа Анны и смысле названия «Молодец-баба».

Анна, как можно понять по ранним отрывкам, изначально была героиней скорее отрицательной: той самой пленительной двойственности в ее образе еще не было. Причем проявляется это и на физиологическом уровне (крайне важном для Толстого), и на психологическом.

Накой предстает перед читателем Анна в окончательной версии романа? Она «была очень красива», «живая прелестная женщина

с черными вьющимися волосами», ее внешностью восхищается Нити; тот же Вронский «был поражен ее красотой и еще более тою простотой, с которою она принимала свое положение». Плюс внешняя красота сочетается в ней с красотой внутренней: «Несмотря на элегантность, все было так просто, спокойно и достойно и в позе, и в одежде, и в движениях Анны». А что в ранних версиях?

Толстой постоянно подчеркивает, что Анна, скажем так, не слишком привлекательна: «Она некрасивая съ низкимъ лбомъ, короткимъ, почти вздернутымъ носомъ и слишкомъ толстая». Автор отмечает ее «некрасивую небольшую голову», а герои судачат о том, что «она положительно дурна» и что «только некрасивыя женщины могутъ возбуждать такія страсти». Разительный контраст, не правда ли?

Совсем другой предстает перед нами героиня и в плане психологическом. Отличительной особенностью известной всем нам Анны было то, что она органически не переносила ложь, и это многократно усиливало ее муки («Нроме ума, грации, красоты, в ней была правдивость», «Анна, для которой ложь, чуждая ее природе...», «...я не люблю лгать, я не переносу лжи...»). В ранних же версиях она объясняется с мужем после скачек, «видимо радуясь своей способности лжи», «нанъ бы радуясь и гордясь своей способностью (неизвѣстной доселѣ) лжи». Более того, изначально автор подчеркивал, что во время этой сцены у нее было «сіяющее, счастливое, спокойное, *дьявольское* лицо, выражение, которое, очевидно, не имѣло корней въ разумѣ, въ душѣ». В итоговой версии характеристика смягчается, ее облик становится просто «ужасным и жестоким», а слова про ее inferнальность переходят от рассказчика к необъективной Нити («что-то чуждое, *бесовское* и прелестное есть в ней»).

Таким образом, художник и психолог в Толстом верно и неуклонно побеждали идеолога и моралиста, а образ героини стал гораздо более сложным и противоречивым.

Но остается один вопрос: отчего тогда поздняя версия романа озаглавлена нейтрально, а в ранней версии не слишком, прямо скажем, привлекательная героиня названа «Молодцом-бабой»? Бог с ней, с «бабой»: но почему «молодец»? Можно, конечно, предположить, что Толстому все равно нравились ее решительный характер, способность пойти против светского общества... Но, судя по представленным выше цитатам, едва ли. Да и адюльтер всегда представлялся Толстому делом неприемлемым и греховным.

Думается, все проще. «Молодец» — это ирония. Вспомним, нан в «Войне и мире» Билибин отзывается об Элен (ногда та «от живого мужа замуж выходить стала»):

«Une maîtresse-femme! Voilà ce qui s'appelle poser carrément la question. Elle voudrait épouser tous les trois à la fois».

И перевод-пересказ, выполненный самим Толстым:

«*Молодец-женщина!* Вот что называется твердо поставить вопрос. Она хотела бы быть женою всех троих в одно и то же время».

То есть Анна изначально для Толстого была нем-то вроде усложненной версии Элен, пусть и несколько менее хищной и жестокой. Ногда же образ героини начал радикально меняться, старое название перестало отражать авторское отношение к героине, и он заменил его на более нейтральное.